

Древние болгары в «Истории разных славянских народов» Иована Раича

Йован Раич (1726–1801) — выдающийся деятель сербского Национального возрождения, видный поэт, общественный деятель и историограф¹. О его жизненной судьбе и творчестве существует обширная литература: научные монографии, студии, статьи и доклады². Наиболее значимым творческим свершением Й. Раича является его «История разных славянских народов» — крупнейшее для своего времени сочинение южнославянской историографии. Оно было завершено, судя по словам автора, еще в 1768 г., но вышло из печати только около тридцати лет спустя³. По собственному признанию, Й. Раич долго не решался опубликовать свой труд, сверяясь с научными данными других историков, чтобы сделать его более полным и совершенным. Результат был налицо: Раич создал фундаментальную историю народов славянского юга — сочинение, свыше 1200 страниц, затрагивающее проблемы происхождения болгар, русских, сербов, хорватов и словенцев, их расселения в Европе, их политической и военной истории. Он рассказывал читателям о войнах славян с их славянскими и неславянскими соседями, их крещении, создании славянских царств и королевств, победах над неприятелями, поражениях от них и утратах независимости.

Первоначально Раич намеревался рассмотреть в своем труде историю не только южных славян, но и славян западных и восточных. Но затем он понял, что истории западных славян к тому времени

¹ См.: *Калиганов И. И.* Раич Йован // Лексикон южнославянских литератур. М., 2012. С. 371–373.

² См. *Војиновић Станиша.* Библиография радова о Јовану Раичу // Йован Раич. Живот и дело. Београд, 1997. С. 391–436.

³ Полное название сочинения И. Раича: «История разных славянских народов наипаче Болгар, Хорватов и Сербов от тмы забвения изъятая и во свет исторический произведенная Иоанном Раичем архимандритом в свято-архангелском монастыре Ковиле». Оно вышло в Вене двумя выпусками: книги I–III — 1794, книга IV — 1795 г. (Орфография и пунктуация названия нами сохранены. — *И. К.*)

уже были написаны, а со сбором материалов по истории России (русские, украинцы и белорусы тогда воспринимались как ветви единого русского народа) у него бы возникли значительные трудности. Таких документов имелось слишком много, большинство из них не было опубликовано, и доступ к ним представлялся трудно осуществимым. Поэтому Раич решил ограничиться написанием истории южных славян, показать их общий корень и то, как от него произрастали затем болгары, сербы, хорваты и словенцы. Болгария стоит у него на первом месте, и это не случайно. Но здесь нельзя преувеличивать значение того факта, что в жилах Раича текла и болгарская кровь. Отцом его являлся болгарин Радивой (Рая) Янкович из дунайского г. Видин, а матерью — сербка из Сремских Карловце⁴. Более важным видится то, что в своей «Истории» Раич прямо называет самого себя «Сербином карловчанином в Новом Саде», и это свидетельствует о его сербском национальном самосознании.

На первом месте среди других южнославянских стран Болгария в труде Раича оказалась потому, что он осознавал историческое первенство болгар среди славян в создании собственного государства, автокефальной церкви и венчании на царство первого славянского царя. Можно привести и еще один дополнительный аргумент: болгарам в труде Раича отведено всего 173 стр., приблизительно столько же хорватам, в то время как сербам посвящена львиная доля его объема. Для своего времени сочинение И. Раича было вполне научным: сербский историограф основательно изучил исторические источники по рассматриваемой проблематике, приводил ссылки в тексте с указанием авторов, их книг, глав, параграфов и страниц. Раич пытался критически осмыслить разноречивость встречающихся в источниках сведений и оценок, обозначить свою позицию и подкрепить ее собственными доводами и соображениями. Но, несмотря на стремление к объективности, Раич не мог преодолеть личных пристрастий конфессионального, этнического и патриотического характера. Пребывая долгое время в Воеводине — пограничье католического мира Австрийской монархии, обучаясь в католической и

⁴ В одном из своих писем Й. Раич писал о роде болгарском, как о «нашем роде», т.е. его роде (См.: *Ягич И. В.* Новые письма Добровского, Копитара и других югозападных славян. Источники по истории славянской филологии // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб. Т. LXII. С. 670.

протестантской гимназиях Коморана и Шопрона, а затем и в Киево-Могилянской академии, Раич не мог не заразиться духом противостояния православных католикам и протестантам. К этому его обязывало и общественное положение: он преподавал богословие будущим сербским священникам и дьяконам в Нови-Саде и много лет в сане архимандрита окормлял братию Свято-Архангельского монастыря, в котором и был погребен. Понятны также патриотизм и приверженность Раича к идее славянского единства — они были свойственны практически всем деятелям Национального возрождения на славянском юге⁵.

«История» Раича вышла для того времени весьма солидным тиражом 600 экз. Такой тираж научного издания выглядит впечатляющим даже для XXI в. Размеры тиражей книг в XVIII столетии на Балканах, как правило, заранее не задавались. Они зависели от числа подписчиков, которые узнавали о предстоящем издании из объявлений. По названию готовящейся к печати книги они прикидывали, стоит ли выложить за нее деньги ради наличия ее в своей домашней, монастырской или общественной библиотеке. Труд Раича, несомненно, вызвал большой интерес у славянской и неславянской обществности. Истории южных славян давно не издавались, ею заинтересовались подписчики из разных уголков Балкан и Центральной Европы. На будущее издание подписались монастыри Ремета, Беочин, Хопово, Раваница, подписчики из Нови-Сада, Темишоара, Осиека, Эстергома, церковью Сегеда, Мохача, Сант-Андре, Грабоваца, Вршаца и других мест. Среди подписчиков были зарубежные ученые, граф Лазарь Черноевич, сенаторы, учителя, купцы и лица духовного чина — архиепископ Стефан Стратимирович Карловацкий, митрополиты, епископы, игумены, соборные старцы. География местожительства подписчиков очень обширна: они жили в городах Будим, Триест, Сегед, Вена, Панчево, Вуковар, Карлштадт.

⁵ Идея происхождения славянских народов от единого корня и близости между ними возникла не в этот исторический период — она проходит «красной нитью» в литературах восточных и южных славян в XII–XVIII столетиях: у Нестора Летописца (Киевская Русь, XII в.), Винко Прибоевича и Людовика Цервы Туберона (Далмация, XV–XVI вв.), Мавро Орбини и Юрия Крижанича (Далмация, XVI — начало XVII в.; Хорватия, XVII в.), Паисия Хилендарского (Болгария, XVIII в.) и др. славянских авторов. См.: *Калиганов И. И. Движение южнославянских литераторов от Средневековья к Просвещению и Национальному возрождению (XV — первые десятилетия XIX в.) // Его же: Проблемы истории и культуры славянских народов. М., 2015. С. 145–201.*

Широкому распространению «Истории» Раича способствовал язык, на котором она была издана. Общепринятого сербского литературного языка в конце XVIII в. еще не существовало. Поэтому Раич использовал русско-церковнославянский язык, которым он отлично овладел еще в молодые годы: сначала он учился ему в карловацкой гимназии, где преподавали русские учителя Эммануил Козачинский и Максим Суворов, прибывшие в Сремские Карловцы по приглашению местного епископа, а затем усовершенствовался в нём в Киеве, куда добрался пешком, обуреваемый жаждой получения новых знаний. Там Раич проучился три года в Киево-Могилянской академии (1753–1756), а затем год провел в Москве. Раич использовал русско-церковнославянский язык вполне осознанно, понимая, что благодаря такому языку его труд станет доступным очень широкому кругу потенциальных читателей на Балканах и в России. «История» Раича, в сущности, есть переводное произведение, вышедшее в авторском переводе ее создателя. Ведь думал-то Раич на сербском языке, хотя сразу же излагал свои мысли на русско-церковнославянском языке. Россия сыграла свою роль в распространении знаний о славянах благодаря тому обстоятельству, что русский язык в его церковном изводе знали почти все образованные православные люди на Балканах.

С конца XVIII в. «История» Раича получила известность и в России. В числе заказчиков на ее венское издание числился директор Народных училищ Федор Янкович из Мириево. Он изъявил желание получить два экземпляра раичевской «Истории», оформив заказ из далекого Санкт-Петербурга. Возможно, в России конца XVIII — первых десятилетий XIX в. находились и другие венские экземпляры этой книги, но сколько их было точно, сказать трудно. Библиограф В. С. Сопиков отмечал крайнюю редкость наличия данной в книги в российских библиотеках⁶. Видимо, поэтому венское издание «Истории» Раича, несмотря на его русский язык, не упоминается в Сводных каталогах русских книг гражданской печати XVIII в.⁷ Лишь относительно недавно один из венских экземпляров «Истории» опи-

⁶ Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. СПб, 1813–1821. Ч. I–V.

⁷ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800. М.: «Книга», 1963–1966. Т. I–III; Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII в. М., 1968. Сост. А. С. Зёрнова и Т. Н. Каменева.

сала М. Л. Иванова⁸. При его описании в указанном каталоге ею было приведены изображения титульного листа «Истории» Раича и двух гравюр. Одна из них представляет портрет автора, другая — изображение обелиска с 6 гербами южнославянских государств (последняя гравюра — работа известного художника Иакова Орфелина). В 1795 г. первый выпуск раичевского труда по распоряжению императрицы Екатерины II был переиздан в Санкт-Петербурге. Он существенно отличался от издания венского. Изменился формат книги: если венский вариант был выпущен на бумаге размером в 8-ку = 12,5 x 19 см, то Санкт-петербургский — в 4-ку = 20,5 x 25,7 см. На полной странице в последнем — 28 строк без колонтитула. Соответственно, изменилась и пагинация: во втором из указанных вариантов нумерация обычно отстает более чем на сотню единиц. Приведем некоторые дополнительные сведения об экземпляре Санкт-петербургского издания первого выпуска «Истории» Раича, хранящемся в РГБ под шифром 1/ 20 209. Он имеет картонный переплет мраморного светло-коричневого цвета с желтыми прожилками. На его торце в верхней части в небольшом прямоугольнике имеется надпись тиснением на красном фоне «Раичъ. История славянских народов». К названию книги, фигурирующему на форзаце венского издания, здесь добавлено: «А ныне по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелению с перваго в Вене издания напечатано в Санкт-Петербурге в типографии Корпуса чужестранных Единоверцев».

Отличаются и гравюрные поясные портреты Иоанна Раича на форзацах венского и Санкт-петербургского изданий. Второй напоминает зеркальное отражение первого: левая и правая стороны в нём поменялись местами. В остальном гравюры деталями не отличаются. Изображение Раича на них окружено двулинейным эллипсом с надписью, содержащей биографические данные автора: «Иоанн Раич Архимандрита, рождена в Карловце Сремстем 1726-го Года 11-го ноября». Ниже под рамкой расположены изображения арфы с венцом справа, а еще ниже слева — чернильница с пером, глобусом и четырьмя книжными томами, а затем помещено посвящение на латинском языке «*Ora vides mentem / scripta videre dabunt*» и его славянский перевод: «Лице зриши / Ум же открыт дела». На второй гравюре

⁸ См.: *Иванова М. Л.* Каталог русской книги гражданской печати XVIII в. СПб: Технический университет; Фундаментальная библиотека, 1996. С. 43. № 80.

венского издания «Истории» Раича изображен обелиск с гербами шести южнославянских государств и посвящением на его основании: «Роду и Обществу». В русском издании второй гравюры нет. Видимо, её решили не воспроизводить по политическим соображениям: Россию могли голословно обвинить в подстрекательстве южных славян к борьбе за политическую самостоятельность. Не напечатано было в русском издании и генеалогическое древо болгарских средневековых правителей, которым завершается венский вариант «Истории» Раича. Не исключено, что оно было опущено из-за многих имеющихся в нем исторических неточностей.

Водяные знаки на страницах указанного нами экземпляра русского издания «Истории» Раича подтверждают датировку выхода книги: двулитерные литеры «КФ» и «ПХ» (Красносельская фабрика Петра Хлебникова) и цифры «1792» и «1793»⁹. Лучше всего они просматриваются на разворотах страниц 31–32, 47–48, 121–122, 123–124, 129–130, 291–292. 313–314¹⁰.

После портрета Раича, титульного листа с заглавием и выходными данными книги следует Оглавление и Предисловие (с. III–XXVI). Далее на 2 нн. страницах историограф решил поместить оглавление «Истории царствия Сербския земли» Иоанна Томки-Саски. За ним на страницах XXIX–XXXVIII приведены сведения о книгах, использованных Раичем при написании его труда. Библиография имеет причудливое название, звучащее как «Означение авторов достоверных, из которых историческая повесть сия составлена». Собственно «История» состоит из двух частей: Книга I «О народах славянских», состоящая из 22 Глав (с. 1–206), и Книга II «О народе болгарском». Последняя насчитывает 111 страниц и имеет 9 глав:

Глава I. О славянской болгар породе и языцех: с. 207–209;

Глава II. Древнейшие их поселения: с. 210–212;

Глава III. О наименовании сего народа: с. 212–215;

Глава IV. О расселении болгар в Европе: с. 216–220;

Глава V. О расселении народа Болгарского: с. 220–222;

⁹ Эти цифры означают не дату выхода книги, а изготовления очередной партии бумаги, которая могла повторяться с сохранением даты и в последующие несколько лет до износа металлической филигрании; бумага также могла использоваться не сразу, а с задержкой два-три года.

¹⁰ См.: *Клепиков С. А.* Филигрании и штемпели на бумаге русского производства XVIII — начала XIX вв. М., 1978. С. 29. № 302, 381. — Клепиков отмечает, что эта филигрань с указанием года использовалась с 1783 по 1795 гг.

- Глава VI. Об основании королевства болгар в Мисии: с. 223–242;
Глава VII. О христианских государях в Болгарии: с. 242–256;
Глава VIII. Умаление Кралевства Болгарии: с. 256–280;
Глава IX. О возобновлении Болгарского Кралевства и последнем падении: с. 280–317.

Список использованных Раичем источников включает в себя 64 позиции с именами и трудами известных византийских и европейских ученых — древних, средневековых и более современных¹¹. Отметим среди них лишь те, которые Раич чаще всего упоминает или цитирует при изложении болгарской истории:

- 1) Феофан Блаженный (Феофан, по отцу Исаакий) — основатель монастыря Агер, ставший его игуменом; он являлся ревностным почитателем икон, за что император-иконоборец Лео Армянин заточил его в тюрьму, и затворник получил затем прозвище Блаженный. Феофан описал исторические события от правления императора Юстиниана I Великого (527–565)¹² до 811 г.;
- 2) Лев Грамматик продолжатель хроники Феофана до кончины императора Романа Лакапина (*I, 920–944*);
- 3) Византийский император Константин Багрянородный (905–959) — автор труда «Об управлении империей», написанного для наставления собственных сыновей. Это сочинение Константина издали на греческом языке с латинским переводом в Лейпциге в 1751–1753 гг.;
- 4) Зонара — византийский летописец, служивший великим друнгарием (*флотоводцем*), а затем и секретарем; после 1118 г. ушел в монастырь, где написал Летописец от сотворения мира до правления Алексея Комнина (*I, 1081–1118*);
- 5) Георгий Кедрин — византийский летописец XI столетия, монастырский инок, создавший историю от сотворения мира до императора Иоанна Комнина (*II, 1118–1143*);
- 6) Георгий Акрополит (1220 — ?) — византийский хронист знатного происхождения, получивший образование в Никее при дворе императора Дуки; описал события византийской исто-

¹¹ См.: *Радожичић Н. Раићева Бугарска историја // Сборник в чест на Васил Н. Златарски. София, 1925. С. 353–365*

¹² Здесь и далее курсивом в скобках помещаются наши добавления или корректирующие уточнения.

- рии от взятия Константинополя крестоносцами до освобождения ее греками (1204–1261);
- 7) Никифор Григора (1295–1358) — византийский хронист, описавший события истории Византии с 1294 по 1351 гг.;
  - 8) Бонфиний Антоний — венгерский историк, составивший хронику на латинском языке от начала истории до 1495 г.; она состояла из 4 декад и 45 книг («Pandects Historiae Turcicae», 1553);
  - 9) далматинский историограф Мавро Орбини — автор труда на латинском языке «Slavorum regnum...» переведенного на итальянский язык («Il regno degli Slavi hoggi corrotamente detti Shcivoni») и изданного в Пезаре в 1601 г.; Раич воспользовался русским переводом этого труда, осуществленным сподвижником Петра I, дубровчанином Саввой Рагузинским. [Перевод издали в Санкт-Петербурге в 1722 г. под названием «Книга Историография початия имене, славы, и расширения народа словинскаго и их Царей и Владетелей над многими именами и со многими Царствиями, Королевствами и провинциями»];
  - 10) из этого труда в русском переводе Раич позаимствовал и примечания Феофана Прокоповича (1681–1736) — архиепископа Новгородского, вице-президента Святейшего правительствующего Синода; Феофан создал их в молодые годы в бытность архимандритом Новгородским; Раич относился к Феофану Прокоповичу с большим почтением и перевел на сербский язык большинство его трудов;
  - 11) Томка-Саски Иоанн (1692–1762) — словацкий ученый, учитель истории и географии, ректор Августинских школ в Братиславе, выполнивший перевод труда Дюканжа (см. ниже);
  - 12) Зерникав Адам — автор труда «Tractatus theologicus orthodoxi de processione Spiritus Sancti a solo patre». Regiomonti, 1774;
  - 13) Прай Георгий — монах-иезуит, составивший летопись о Гуннах, Аварах и Хунгарах и издавший ее в Вене в 1761 г. (См. также: Pray G. Dissertationes historico-criticae in Annales veteres Hunnorum, Avarorum et Hungarorum (Vindobonae, 1775);
  - 14) Бандурий Домн Аксекльман — католический пресвитер-миронит из Дубровника, издавший первую книгу своего труда в Венеции в 1729 г.;
  - 15) Шмейцель Мартин — автор труда, дважды изданного в Йене в 1722 и 1730 гг.: Schmeizel Martin. Praecognita historiae civilis universalis.

При составлении своей «Истории» Раич часто был вынужден прибегать к источникам через вторые или даже третьи руки. Это иллюстрирует пример использования им упомянутого нами труда Мавро Орбини: латинский текст оригинала — итальянский перевод — русский перевод Саввы Рагузинского¹³. То же самое произошло и при использовании Раичем сведений из 32-томного издания греко-византийских источников (*Corpus Byzantinae historiae*), осуществленного на греческом и латинском языках в парижской Королевской типографии с 1642 по 1702 г. Скорее всего, для Раича они были мало доступны. Удобной для него была бы работа с их венецианским переизданием 1729 г., но и здесь возникали свои сложности. Ни митрополичья библиотека в Сремских Карловцах, ни тем более сербские монастырские книгохранилища этими изданиями не располагали. А этого вида источники для Раича были очень важны при перепроверке данных в процессе создания собственной «Истории». Здесь очень полезную службу сербскому историографу могли оказать труды по истории Византии и ее балканских провинций, написанные французским ученым Каролом дю Фресне дю Канжем: *Carolus du Fresne Dominus du Cange. Historia Bizantina duplici commentario illustrata. I. Familiae Byzantinae. II Constantinopolis Christiana (Lutetiae Parisiorum, 1680)*; и анонимно изданное Иосифом Кеглецем другое сочинение: *Caroli Du Fresne Domini Du Cange. Illiricum vetus et novum, sive historia regnorum Dalmatiae, Croatiae, Slavoniae, Bosniae, Serviae atque Bulgariae locupletissimis accessionibus aucta, atque a primis temporibus, usque ad nostrum continuata aetatem, (Posonii, 1746)*. Раич ссылается на этого автора в главах по истории Болгарии довольно часто, называя его «Дуфресне» (в дальнейшем для удобства мы будем использовать именно это именование фр. ученого Раичем). Но и эти дюканжевские труды для сербского ученого были едва ли доступными. Данные из первого он приводил по переводу Иоанна (Яна) Томки-Саски. Последний сопроводил перевод предисловием и послесловием и опубликовал рукопись в 1728 г. под своим име-

¹³ При переводе Савва Рагузинский значительно сократил раздел об истории Болгарии переводимого оригинала. В тексте Орбини он занимал 76 стр. книги в большую 4-ку, а в «перевод» Саввы на русско-славянский — 46 стр. в малую 4-ку. См. *Пекарский П.* Введение в историю просвещения в России XVIII столетия (Наука и литература в России при Петре Великом). Т. I. СПб, 1862. С. 252–253, 331–332.

нем¹⁴. Сербский историограф знал Томку-Саски лично: он встречался с ним в 1757 г. и, вероятно, тогда же тот побудил его написать труд о славянах с таким же размахом, с каким это сделал Мавро Орбини¹⁵.

Помимо этого, Раич использовал исторические данные, ориентируясь на труды Иоанна Штриттера: *Stritter J. G. Memoriae populorum, olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Maeotidem, Caucasum, Mare Caspium, et inde magis ad septentriones incolentium, e Scriptoribus Historiae Byzantinae erutae et digestae. Bulgarica e Scriptoribus Byzantinis Tomi II, Pars II. Petropoli, 1774. P. 349–890; Summarium de Bulgaris. Ibid. 439–464.* Здесь хорошим подспорьем ему служили издания работ этого ученого в русском переводе: «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов. Собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриттером. Часть Четвертая о болгарях, влахах, хазарах, команях, венграх. Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1775.

Часть сведений о Болгарии и болгарях Раич почерпнул из труда венгерского подданного, историка Альбрехта Гебхардия: *Gebhardi Albrecht. Sechsend finfzigster Band (Geschichte des Reichs Bulgarien). Brunn, 1788. С. 1–345.* Раича перевел этот труд на славянский язык и издал перевод в 1793 г. в Вене под названием «Краткаја Серблі, Рациі, Босны, и Рамы кралевств Историја по плану Вилхелма Гуффри и Иоанна Ирав и по иных ученых Англезов устроенная и из 55 тома общественныя истории изъятая и с немецкаго на славенския язык переведенная и краткими примечаниями изъясненная Иоанном Раичем архимандритом».

Как видно из оглавления труда Раича, история болгар в нем охватывает хронологический отрезок от VI до конца XIV столетий, т. е. от первых сведений о славянах и болгарях у древних византийских авторов и до падения под ударами османских тюрок созданного на Балканах славяно-болгарского государства. Большинство глав в Книге I не велико по объему, занимая лишь по две – три страницы, и в них встречается масса исторических неточностей. Но мы не собираемся критиковать Раича и исправлять вкравшиеся в текст его «Истории»

¹⁴ См. *Radović N. Rajičeva Hrvatsra Istorija // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1920. T. 202. S. 78–81.*

¹⁵ *Руварац Д.* Кореспонденција Јована Саског, ректора протестантске школе у Ђуру, с Мојсијем Петровићем, митрополитом Београдским // *Годишњица Николе Чупића.* Т. XXXV. 1923. С. 102–109.

различного рода ошибки — это было бы исторически некорректно. Раич создавал свой труд не ради завоевания авторитета среди европейских ученых — он посвящал его «роду» (читай, роду славянскому!) и обществу. Это недвусмысленно явствует из упомянутой нами надписи на основании обелиска во второй гравюре венского издания и всего его содержания. Раич предназначал свой труд не ученым, а интересующимся историей любознательным читателям. Именно к ним он обращался в предисловии к своей «Истории». Поэтому главная цель данной публикации состоит в выделении того, что должно было остаться в памяти этого читателя о Болгарии и болгарях после прочтения первой «болгарской» части сочинения Раича.

Это, на наш взгляд, самые яркие страницы «Истории», рассказывающие о завоевании балканских земель болгарами и славянами и создании там мощного средневекового государства, легенды и исторические повествования о крещении Болгарии и «золотом» веке болгарского царя Симеона, о попадании болгар под византийское владычество и возрождении болгарской государственности, о приходе на Балканы турок и конце Второго Болгарского царства. Они будут полезны студентам и аспирантам, изучающим историю и филологию славян, исследователям истории и культуры Болгарии, занимающимся другими историческими периодами развития данной страны, преподавателям, готовящим конспекты лекций по истории славян, и просто любознательным читателям, проявляющим интерес к «болгарской» теме. При этом в процессе изложения исторических материалов Раича мы для удобства читателей приводим отсылки южнославянского историографа не внутри основного текста в скобках, как он это делал, а внизу страниц — самый распространенный способ научного цитирования. В скобках курсивом, как уже говорилось, будут вводиться наши коррекции и дополнения, разъясняющие читателю мало понятные ему места.

Повествование о Болгарии и болгарях у Раича начинается не в книге о ней, а фактически раньше — в той части, где рассказывается об общем славянском корне. От него, по свидетельству Раича, произросли все славянские народы, расселившиеся затем в Восточной, Центральной, Западной и Юго-Западной Европе. Среди них были и болгары, обитавшие некогда у реки Волги, от которой и пошло их наименование как народа. Здесь Раич, в сущности, опирается на мнение предыдущих историографов XVI — начала XVII вв. — далматинца Мавро Орбини.

Поднимая тему происхождения и расселения болгар, Раич опровергает точку зрения М. Шмейцеля о племенном родстве болгар с валахами и единстве их языка, приводя при этом свои контраргументы. Если бы это было действительно так, пишет Раич, то валахи и болгары легко понимали бы друг друга, как это происходит, когда встречаются и начинают разговаривать болгары и сербы. Что же касается валахов, то они ведут свое происхождение от римской провинции Дакии и разговаривают на наречии латинского языка, не известного славянам. Они называют себя «румунами», т. е. считают себя потомками римлян, хотя в их языке есть много славянских слов, позаимствованных ими у соседних славянских народов. Из-за последнего их иногда называют «полуславянами». Болгары же прибыли из области, лежащей к северу от Понта Эвксинского (*Черного моря*) у Меотического озера (*Азовского моря*), в которое вливается река Атал (*Волга*), протекающая через всю Скифию, подобно Танаису (*Дон*). Об этом, по свидетельству Раича, говорит в своей «Хронографии» Блаженный Феофан. Этот историк писал, что границы древней Великой Болгарии простирались от Азовского моря до реки Дон и что повелителем её был некто Кробат (*Кубрат*)¹⁶.

Согласно преданиям, у Кубрата было пятеро сыновей, которым он, умирая (667), оставил в наследство свои владения и завещал им править совместно, не делить земли и не дробить свою общую силу. Но сыновья не соблюли отцовский завет: желая расширить свои владения или будучи стравленными византийцами, они решили поделить завещанную им землю. При этом, по словам Феофана Блаженного, старший сын Батбай (*Батбаян*) стал владеть отчей землей у реки Куфа (?), где, как считали греки, проходит граница Великой Болгарии. А второй сын Котраг пересек реку Танай (Днепр?) и стал править в области, расположенной напротив Батбаяновой. Третий же сын по имени Аспарух переправился через реки Днепр и Днестр и обосновался на дунайских берегах в неприступном месте под названием Огл (*Онгл*)¹⁷. А четвертый сын Кубрата пересек Дунай, вторгся в Паннонию, заключив там мир с аварским вождем каганом и став его подданным. Что же касается пятого брата, которого Дуфресне

¹⁶ Раич: Глава V. § 2. С. 220–221.

¹⁷ В переводе на современный русский язык это слово означает «угол», который подразумевал территорию низовья Серета, Прута и правобережье Днестра. См.: *Петров П.* Образуването на българската държава. София, 1981. С. 141.

называет Алцеконом, то тот подчинил себе провинцию Пентапол (?) и Равенну, сделался наместником вождя лангобардов Гримоальда и находился там до времени Карла Великого. Об этом, по свидетельству Раича, пишет не только Дюфресне, но и Прай. В свою очередь как утверждают древние историки, заселившись в этих местах, болгары долго не беспокоили византийцев и, только когда их стали теснить хазары, начали вести с Византией частые кровопролитные войны ради своего утверждения в Мисии и Фракии¹⁸.

Войны эти велись со времени императора Феодосия Великого (379–395), и в их ходе болгары вторгались в ромейские провинции, занимаясь грабежом, после чего отступали по своей воле или под ответным напором Византии. Окончательно утвердиться в Мисии и Фракии болгары смогли только в 679 г. от Рождества Христова на одиннадцатый год правления императора Константина Погоната (668–685). По словам хрониста Феофана Блаженного, происходило это следующим образом. Обосновавшийся на берегах Дуная, хан Аспарух принялся опустошать соседние византийские пределы, чем вызвал ответную реакцию императора, который возглавил против болгар большое войско, двинувшись во Фракию по суше и по морю. Увидев столь значительные силы врага, болгары заперлись в своих крепостях, а император отступил в Месемврию (*Несебыр*) для лечения разболевшихся ног. Его же воины подумали, что он бежал и сами обратились в бегство. А ободренные этим болгары, воодушевляемые своим предводителем Батаем, стали преследовать бегущих врагов, убивая их без милости. Более того, переправившись через Дунай, болгары дошли до Варны, разбили здесь свой лагерь и пленили находившихся в этих землях семь славянских народов, расселившихся к тому моменту к востоку до реки Берегоари (*Верегавы*)¹⁹, и разорили окрестные селения. Император вынужден был заключить с болгарам мир и выплачивать им ежегодную дань²⁰.

¹⁸ Раич: Кн. II. Глава V. § 2. С. 221; Дюфресне: Глава VII. § 5–6. С. 89; Прай: Ч. II. Кн. 2. С. 259.

¹⁹ Верегава — Рашский проход через Балканы. (См.: *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. СПб, 1999. С. 321; *Дуйчев И.* Проучванията върху българското Средновековие. София, 1945. С. 151–168.)

²⁰ Раич: Феофан: С. 237–238; Мавро Орбини: С. 201, 291; Дюфресне: С. 89; Кедрин: Т. I. С. 345 D, 347 C; Зонара: Т. II. Кн. XIV. С. 71 E; Прай: Указ. соч. Ч. II. Кн. II. С. 262.

Этот мир продолжался недолго, потому что Константинов сын Юстиниан (II, 685–695), прозванный Ринотметом из-за отрезанного у него носа, в 687 г. отказался выплачивать болгарам дань и отправился против них в поход. При этом он сумел их разбить и рассеять, завладел их землями до самых Салоник и, пленив множество сдававшихся ему славян, отправил побежденных в Опсическую страну (?). Однако при возвращении назад император был окружен болгарями в теснинах гор, потерял много воинов и сам чуть не попал в плен. Кедрин также сообщал, что из пленных славян Юстиниан создал 30-тысячное вспомогательное войско и отправился в поход против арабов, которых возглавлял их предводитель Магомет. Но тот послал вождю славян наполненный золотом колчан, дал славянам много обещаний, и две трети их войска перешло на его сторону. Ромеи были разгромлены и с позором вернулись назад, вызвав гнев императора. А позднее Магомет вместе с хорошо знавшими эти края славянами сам явился в византийские пределы, разбил ромеев и увел с собой множество пленных. Спустя время Юстиниан пытался отвоевать у болгар земли в Мисии, ранее им дарованные его отцом, и вначале одержал верх, но при возвращении домой подвергся нападению и был разбит. После этого он заклеялся нападать на болгар и хранил мир.

Таким образом, именно Батбаян — старший сын Кубрата остался в исторической памяти как первый болгарский правитель, который заставил платить дань византийских императоров — Константина и Юстиниана. Он заселился со своим народом у Танаиса (*Дона*) и Куфы (*Куфис* — приток Волги) и укрепился у Дуная, откуда совершал грабительские набеги во Фракию. Поэтому именно его считаются основателем болгарского царства в Мисии²¹.

Далее Раич пишет, что преемником Батбаяна стал храбрый и великодушный вождь болгарского воинства Тербел (*Тервел*, 701–718). Желая показать свою храбрость, он сразу же стал воевать с аварами и отвращенный сребролюбием их предводителей, издал указ о наказании любого болгарина смертью за кражу или иное преступление. Он также помог свергнутому с престола византийскому императору Юстиниану (II, 685–695, 705–717) вернуться во власть после об-

²¹ Раич: Кн. II. Глава VI. § 3. С. 225–226; Кедрин: Т. I. С. 348 А, В, С, D; Зонара: Т. II. Кн. XIV. С. 72; Феофан: С. 241. Е, 242 В и С, 243 С и D; Орбини: С. 291–292.

ращения того к нему за помощью. Дюфресне и Мавро Орбини сообщают, что Тервел собрал болгарское войско и в 706 г. захватил Константинополь, возвратив трон изгнаннику. В знак благодарности Юстиниан пригласил своего помощника в город²², осыпал его всевозможными почестями и дарами. Он провозгласил его кесарем, т. е. соправителем, и позволил воссесть рядом с собой на троне²³. Кедрин пишет не только о дарах и почестях, но и о выделении Юстинианом хану Тервелу части византийских земель, названных затем Загорьем²⁴.

Но Юстиниан оказался вероломным и через два года, нарушив мирный договор с болгарами, вторгся во Фракию. И за это, как пишет Раич, Бог наказал императора. Заметив, что на марше византийцы нарушили боевой порядок, Тервел неожиданно напал на них, разгромил и захватил множество пленных. Юстиниан бежал в приморскую крепость Анхиал, из которой через три дня тайно отплыл на ладье ночью в столицу. Там он спустя шесть лет был убит в результате заговора следующего византийского императора Филиппика. При нём болгары отплатили Византии за зло, причиненное Болгарии императором Юстинианом II. В 711 г., в первый год правления Филиппика, они вторглись во Фракию и дошли до окрестностей Константинополя — до его врат, называемых Хрисис. Болгары ограбили свадебную процессию, завладев роскошными одежаниями её участников, и пленили всю Фракию, отведя в свои земли бесчисленное множество рабов и скота. То есть они отплатили византийцам сполна мерой за меру. При этом сами болгары вернулись домой целыми и невредимыми. Тервел был готов оказать помощь в возврате престола не только императору Юстиниану II, но и императору Артемию, или Афанасию, который его об этом попросил, но жители Константинополя болгар в город не пустили²⁵.

Привел в своем труде И. Раич и свидетельства древних и средневековых историков об измене некоторых болгарских правителей сво-

²² Раич: Кн. II. Глава VI. § 5. С. 225–226.

²³ Титул кесаря являлся вторым по значимости после императорского; на голову кесаря обычно возлагалась корона с крестом, и он начинал считаться наследником императорской власти, но это правило на болгар не распространялось. См. Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб, 1997. С. 223.

²⁴ Раич: Там же. § 5. С. 226–227; Кедрин: Т. I. С. 351 D и E; Зонара: Т. II. Кн. XIV. С. 75; Феофан: С. 249; Орбини: С. 292–293; Дюфресне. Гл. VII. § 7. С. 89.

²⁵ Раич: Кн. II. Глава 6. § 6. С. 227; Зонара: Т. II. Кн. XIV. С. 76 A; Феофан: С. 250, 255.

ему народу. Таким был, например, хан Телерик (*Телериг*, 767–777), который в период правления императора Льва, сына Копронима, сбежал в Константинополь, где принял крещение, сделался патриком и получил в жены родственницу супруги императора. Совсем другим был сменивший его на престоле XI болгарский правитель Кардам (777–802). Против него дважды и с большими для себя потерями безуспешно воевал сын Льва и Ирины византийский император Константин VI (*Слепой*, 780–796). По свидетельству Раича, историк Кедрин пишет не только о гибели многих византийских солдат, военачальников и потери припасов. По его словам, сам император едва сумел спастись за стенами крепости. А хронист Блаженный Феофан добавляет к этому, что объятый юношеским пылом император, вышел со своими полками против Кардама, не выстроив их должным образом. И за это он жестоко поплатился: в битве погибло не только множество его воинов и прославленных военачальников — болгары захватили шатры военной византийской знати, в том числе и шатер его собственный — императорский. При этом в руки болгар попали императорские принадлежности и драгоценности.

Византия впоследствии отказалась платить болгарам дань самым оскорбительным образом: вместо дани Константин послал Кардаму завязанный в платок кусок конского навоза. Он сумел отогнать болгар в их внутренние земли, но этой победой не смог поднять свой авторитет. Его мать Ирина лишила своего сына власти и приказала его ослепить, хотя затем и сама она не удержалась на троне. На византийский престол заговорщики-евнухи посадили своего ставленника по имени Никифор (803–811). А Кардам благодаря сложившимся обстоятельствам благополучно окончил свои дни в 807 г. от Рождества Христова²⁶.

Сменивший Кардама очередной болгарский правитель Крум (803–814) через два года после своего восхождения на престол отправился завоевывать ромейские провинции на Западе и взял Сердику (*Софию*), убив 6000 византийских солдат. Кедрин и Феофан добавляют, что произошло это на 7 год правления императора Никифора и что до этого болгары напали у Стримона (*Струмы*) на посланное Никифором подкрепление. Уничтожив византийского военачальника и его войско, болгары захватили 1100 литров золота

²⁶ Раич: Кн. II. Глава VI. § 15. С. 234–235; Феофан: С. 315, 317 D; Кедрин: Т. II. С. 373 E. Кедрин: Т. II. С. D; Зонара: Т. II. Кн. XV. С. 85. E; Феофан: С. 315 D, 317.

(около 12 тыс. золотых монет, предназначавшихся для жалования солдатам. — *И. К.*). Император решил наказать болгар, и, хотя его поход вначале оказался безрезультатным, он не оставлял мысли о мщении. 20 июля 811 г. Никифор во главе большого войска вторгся в болгарские земли, настолько устранив Крума, что тот отправил византийцам посланца для переговоров о перемирии. В ответ император устремился на болгар с еще большей энергией и выиграл у них несколько сражений. Крум во второй раз запросил мира и снова получил отказ. Тогда он вооружился мужеством и приказал переродить все горные перевалы, необходимые византийцам для возвращения домой. Напав на войско императора у местечка Славомир²⁷ близ Никополя, болгары разгромили врага. Тело мертвого Никифора нашли среди тел павших и осквернили его. Произошло это, по свидетельству Мавро Орбини и Дюффресе, 25 июля того же года²⁸.

Более подробно о поражении императора Никифора, как сообщает Раич, рассказывал Кедрин. По словам этого историка, объятый жадной обогащения император Никифор вместе своим сыном по имени Ставракий собрал огромное войско, призвав в армию даже тех налоговых должников, кто по причине бедности был в состоянии вооружиться лишь колом или пращей. Войско было настолько большим, что испугало Крума, запросившего мир. Император ему отказал, но, словно предчувствуя свое поражение, заявил, что его неудержимо влечет за собой Бог или дьявол и ничего изменить уже нельзя. Первое сражение выиграла византийцы, но император приписал это не Богу, а удаче своего сына Ставракия. После этой победы Никифор занял столицу Крума, сжег его дворец и приказал истребить поголовно всех жителей город, оставив без погребения тела мертвых и ограбленных до нитки болгар. Крум просил императора взять в Болгарии всё, что пожелает, и уйти, но тот и слышать не хотел о мире. Тогда последовала уже известная читателю история о поражении византийцев и гибели Никифора. Правда, в отличие от других историков Кедрин утверждает, что роковая битва произошла не в июле, а в июне и что Никифор был обезглавлен в своем шатре. Он также добавлял, что голову императора насадили на кол и выставили для всеобщего обозрения, а позднее череп Никифора оковали

²⁷ Местонахождение Славомира историками не установлено.

²⁸ Раич: Кн. II. Глава VI. § 16. С. 235; Орбини: С. 298; Дюффресе: Гл. 7, § 14. С. 92.

серебром, изготовив из него чашу, которую пускали на пирах по кругу славянские вожди, глумившиеся над погибшим²⁹.

Вслед за гибелью императора Никифора болгарский правитель Крум успешно воевал против нового византийского правителя Михаила Куропалата (811–813) и сумел отнять у Византии крепость Несебыр благодаря использованию осадных машин, сооруженных для болгар одним арабом — беглым византийским пленником. После ряда поражений от хана Крума и потери нескольких крепостей Михаил Куропалат был отстранен от власти — на престол возвели нового императора Льва Армянина (V, 813–820). До этих событий болгары осадили Константинополь, принесли языческую жертву прямо перед его Золотыми воротами, разграбили храмы, богатые палаты и дома в столичных пригородах. Затем Крум снял осаду города и переместился к Адрианополю, захватил его и отвел в свою страну много пленников. Вскоре он собрал огромное войско, в которое влились авары и славяне, и в 815 г. вновь предстал с ним перед стенами Константинополя.

Между тем болгары грабили Фракию, собирая богатую добычу. Лев Армянин запросил перемирие, но возгордившийся Крум отклонил его предложение. Произошло сражение, в котором византийцы вначале были смяты и обращены в бегство. Однако находившийся на возвышенном месте и наблюдавший за ходом боя Лев Армянин заметил, что преследовавшие врага болгары и сами смешали свои ряды и рассредоточились. Этим обстоятельством он и решил воспользоваться: воодушевив своих воинов, он снова повел их в атаку и разгромил болгар наголову. О судьбе Крума у историков существуют различные версии. Одни сообщают, что он пал в сражении, а другие утверждают, что болгарские воины прикрыли его своими щитами и, усадив на коня, помогли ему покинуть поля боя. Таким образом якобы были сломаны острые рога болгар, что подняло дух впавших в уныние византийцев. Кроме того о смерти Крума некоторые историки пишут, что по возвращении домой он был задушен веревкой заговорщиками из его приближенных³⁰.

²⁹ Раич: Там же. § 17. С. 236; Кедрин: Т. II. С. 380 В и Е; Зонара: Т. II. Кн. XV. С. 97–98; Феофан: С. 329–330.

³⁰ Раич: Кн. II. Глава VI. § 18. С. 237–238; Кедрин: Т. II. С. 281 D и Е, 384 и 385; Зонара: Т. II. Кн. XV. С. 99–101; Феофан: С. 313–314, 330–338.

По поводу наследников Крума, пишет Раич, у историков существуют значительные разночтения. Орбини сообщает, что на болгарский престол сел Муртагон (*Омуртаг, 814–831*), а Дюфресне считает, что до него имелось еще двое болгарских правителей, что одного из которых звали Дуком, а другого — Цокой. Последний был суровым и жестоким правителем: это он приказал умертвить Адрианопольского епископа Эммануила и множество христианских пленников, пригнанных в болгарские земли ещё Крумом. Но Цока внезапно ослеп и был убит болгарскими заговорщиками. Оба правителя стояли у власти очень непродолжительное время и не успели совершить ничего значительного. Поэтому, полагает Дюфресне, они и не вошли в официальный список болгарских правителей. Что же касается Омуртага, то о нём император Константин Багрянородный (905–959) пишет как о беспощадном гонителе тех христиан, кто не отрекался от своей веры. Таковых умертвляли, причем сам Омуртаг собственноручно зарубил мечом Деволтского архиепископа Георгия. Этот болгарский правитель принимал участие в борьбе византийцев за императорский престол. В 821 г. он помог императору Михаилу Бальбе (II — *Косноязычному, 821–829*) удержаться на троне тем, что ликвидировал осаду Константинополя, которую предпринял бунтовщик, военачальник Фома.

Кедрин по этому поводу писал, что Михаил Бальба завладел престолом после организованного им убийства императора Льва Армянина. В стране началась смута, многие не признавали власть нового императора законной, и во главе не согласных встал упомянутый смутьян Фома. Император фактически оказался затворником в стенах города и чувствовал себя крайне неудобно и неуверенно. Понимая его бедственное положение, Омуртаг тайно послал к нему гонца с обещанием утвердить права императора на престол взамен на подтверждение 30-летнего мира, заключенного ранее болгарами с Львом Армянином. Но Михаил Бальба, будучи невероятно жадным, побоялся, что Омуртаг, помимо подтверждения мира, потребует ещё и денежного вознаграждения, и отказался от предложенной помощи. Но болгарский правитель не оставил своего намерения оказать поддержку попавшему в беду византийскому императору. Он двинул свое войско к Константинополю и остановился около места Кетбит (*близ Мраморного моря у Гераклеи*). В произошедшем сражении войска Фомы потерпели от болгар страшное поражение и были вы-

нуждены отступить. Чуть позднее ободренный император завершил их разгром, схватил Фому и предал его жестокой казни. Что же касается болгар, то они вернулись домой с богатой добычей³¹.

В отношении следующего болгарского правителя у Й. Раича произошла полная хронологическая и династическая путаница. В реальности преемником Омуртага стал хан Маламир (831–836), но сербский историограф повторяет ошибки своих предшественников. Он называет его Владимиром — внуком Крума и отцом Симеона (*Симеона Великого*, 893–927), царствовавшего после князя Бориса (*Бориса I*, 852–889). В тот период произошло крещение болгар, о котором Раич повествует дважды: в главе XXII книги I и главе VII книги II. Ссылаясь на сочинения Ф. Прокоповича и А. Зерникава, Раич пишет, что первое крещение болгар произошло в 865 г.³² довольно курьезным образом. Некий христианин, не будучи рукоположенным в священнический сан, стал выдавать себя за священника и проповедовать учение Христа среди болгар, живших во Фракии и Македонии. Причем поучал он весьма искусно и, просвещая паству христианскими догматами и постановлениями церковных Соборов, обратил в новую веру немало болгар. Но те ответили своему учителю неблагодарностью, ибо, узнав, что тот не пресвитер, схватили его, вырвали ему ноздри, с позором изгнали из страны, а сами вновь вернулись к «злостивому своему безбожию»³³.

Согласно же другой, приводимой Раичем, версии крещения болгар, оно имело место при хане Омуртаге. По словам Мавро Орбини, этот хан вначале отправил своих посланцев к западному императору Людовика с просьбой прислать христианских миссионеров, которые затем прибыли в Болгарию по распоряжению папы Николая I (858–867). Но затем болгары, якобы подученные константинопольскими священниками и получившие от них много даров, изгнали из своей страны римских миссионеров и приняли христианство по византийскому обряду. Раич скептически отнесся к такой версии крещения болгар, что чувствуется не только в тональности изложения им рассказа Орбини о данном событии, но и в его оценках. Он прибегает к таким словам, как «сочиняет историю», «якобы» и им подобным. Версию Орбини

³¹ Раич: Там же; Кедрин: Т. II. С. 398–399; Зонара: Т. II. Кн. XV. С. 108–109.

³² Существуют предположения о том, что крещение болгар могло произойти в 864 или в 866 гг.

³³ Раич: Книга I. Глава XXII. § 19. С. 193.

сербский историограф называет нелогичной («неуместной») и несправедливой. По его мнению, такого не могло произойти: уж если более далекие от Византии далматинцы, хорваты и сербы пожелали и приняли христианство от Константинополя, то что же тогда говорить о болгарях, которые живут от византийцев по соседству? — вопрошает читателя Раич. Свою точку зрения он подкрепляет ссылкой на свидетельство византийского императора Константина Багрянородного. Кроме того, Раич указывает на послание константинопольского патриарха Фотия (877–887), отправленное им болгарскому князю Михаилу (*Борису-Михаилу*, 852–889), которого он называет «истинным и праведным чадом» и «порождением своей духовности»³⁴.

Подкрепляя ту версию крещения болгар, которой придерживается, Раич ссылается на Кедрина. Тот писал, что к принятию болгарями новой веры приложили руку пленный византиец Феодосий по прозвищу Куфара и сестра упомнутого князя Бориса, также бывшая пленницей — её захватили византийцы и удерживали в императорском дворе в Константинополе. Пребывая среди византийцев, та приобщилась к христианской вере и прониклась заветами Священного Писания. Позднее по возвращении домой она стала взращивать в сердце князя Бориса ростки истинного благочестия, тем самым продолжая работу, которую ранее начал Куфара. Борис, однако, не оставлял своего прежнего лживого вероучения и лишь после страшных испытаний страны в виде голода и мора, он обратился за помощью к христианскому Богу и приказал это сделать своим подданным. И поскольку напасти отступили, решено было принять новую веру и креститься. Именно таким образом, по словам Раича, излагают события и византийские историки Иоанн Зонара и Лев Грамматик в своих «Хронографиях»³⁵.

Что же касается утверждения латинских хронистов, например Оломоуцкого епископа Иоанна Дубравия, о том, что болгары приняли святое крещение от Кирилла и Мефодия, посланных из Рима папой Николаем I, то Раич опровергает его двумя доводами. Во-первых, Кирилл и Мефодий вначале занимались крещением славян в качестве византийских проповедников. А во-вторых, очень неправдоподобно, по его словам, выглядит ситуация, что князь Борис

³⁴ Раич: Кн. I. Глава XXII. § 20. С. 194–195; Орбини: С. 302; Кедрин: Т. II. С. 424.

³⁵ Раич: Кн. I. § 22. С. 197; Кедрин: Т. II. С. 425; Зонара: Кн. XVI. С. 122; Лев Грамматик: С. 367. («Хронология» последнего была издана вместе с «Хронографией» Феофана Блаженного.)

был крещен по восточному, византийскому обряду, а подвластный своему правителю болгарский народ — по западному, римскому. Кроме того, Раич добавляет, что подобного не могло быть и потому, что тогда патриарх Фотий (858–867) и папа Николай I противопоставляли себя друг другу и жили во вражде и полном несогласии. Не стоящим серьезного опровержения, по мнению Раича, является и предположение о том, что славян крестил не Кирилл, а некто Константин. Дело в том, что славянский первоучитель первоначально звался Константином, а второе имя, Кирилл, получил, как это принято в восточной церкви, при своем пострижении. Таким образом, изобретателем славянских письмен и крестителем славян было одно и то же лицо: Константин-Кирилл. Поэтому сомнения в личности крестителя болгар, которые латинский пресвитер Диоклеас выразил в своей «Истории славянских народов», являются несуразными. Бонфиний, например, признает факт принятия болгарами христианства по восточному вероисповеданию и называет его Схизмой³⁶.

Поэтому еще в общей главе о крещении южных славян Раич утверждает, что болгары восприняли учение Христа еще при языческом князе Богоре (*Борисе I*)³⁷. Он много раз опустошал набегами соседнюю Византию, приходя в неё по морю и посуху. Однако в 865 г. император Михаил и его дядя кесарь Варда сумели укротить неспокойного соседа, и тот был вынужден креститься и подчиниться Константинопольской церкви. Обряд крещения был совершён в Константинополе тайно, император Михаил лично принял болгарского князя из купели, и новообращённый христианин получил имя своего крестника, т. е. был наречён именем Михаил. Византийский патриарх Фотий вслед за этим отправлял в Болгарию проповедников и сам наставлял Бориса-Михаила в священных догматах через свои послания. Посылал туда же своих миссионеров и римский папа Николай I, но тех изгнали из страны. Фотий выражал свою тревогу по поводу намерения Ватикана перекрестить болгар по латинскому обряду. Поэтому он обращался с посланиями к упомянутому римскому папе и болгарскому князю (Раич называет его «царем») Борису-Михаилу³⁸.

³⁶ Раич: Там же. С. 197; Дубравий: Кн. IV. С. 116; Диоклеас: § 9; Бонфиний: Кн. 10. Декада I. С. 117 В.

³⁷ Раич: Кн. I. Глава XXII. § 18. С. 193–194.

³⁸ Раич: Там же.

В главе VII «О христианских государях в Болгарии» Раич, используя данные Кедрина, сообщает, что, оказавшись на престоле, Борис решил объявить войну Византии, которой тогда правила императрица Феодора со своим малолетним сыном Михаилом. Но та умно ответила, что будет защищать себя и империю, и, если он проиграет, то прослышет правителем, побежденным женщиной. Борис укротил свой завоевательский пыл, возобновил между двумя государствами мир и вступил в переговоры об обмене пленными. У Бориса во дворце жил много знающий византиец Феодосий по прозвищу Куфара, а в покоях Феодоры находилась пленная сестра Бориса, принявшая в плену христианство. Когда сестра возвратилась домой, она начала без устали проповедовать Святое Писание и склонила Бориса к принятию христианской веры: Борис принял крещение под именем Михаил. В отличие от этого, Дуфресне и Орбини в угоду католикам, пишет Раич, утверждают, что Борис принял крещение благодаря германскому королю Людовику и папе Николаю I, отправив к последнему своего сына. Раич опровергает эти утверждения фактом существования указанных выше посланий византийского патриарха Фотия к князю Борису и блюстителю Римского престола папе Николаю I³⁹.

Кедрин также писал, что после принятия крещения Борисом против него ополчилась часть его знати и народа, задумав его убить. Но он с помощью носимого им креста с небольшим числом воинов сумел одолеть бунтовщиков. И те неожиданно оборотились к вере Христовой, а за ними крестился и весь болгарский народ. Борис вслед за этим актом попросил у византийской императрицы выделить болгарам-христианам земли, в которых бы они могли жить спокойно и благочестиво. И его просьба была удовлетворена: болгарам выделили часть пограничных земель от Железника до Деволта, которые они называли Загорьем. Эти факты Раич использует для дополнительного доказательства того, что болгары приняли крещение по византийскому обряду. И вначале отправили своих посланцев к западному императору Людовику с просьбой прислать христианских миссионеров, и те были посланы по распоряжению папы Николая I. Но затем болгары, якобы подученные константинопольскими священниками и получившие от них много даров, изгнали из своей

³⁹ Раич: Кн. II. Глава VII. § 1. С. 242; Кедрин: Т. II. С. 424–425.

страны римских миссионеров и приняли христианство по византийскому обряду. Иначе, по логике Раича, зачем тогда византийцы стали бы выделять земли болгарам, если бы те крестились по обряду римской церкви; или патриарху Фотию надо было бы наставлять болгар церковным христианским догматам — этим бы занялся папа Николай I. В пользу версии Константинопольского крещения Бориса, по мысли Раича, свидетельствуют факты заключения мира с византийцами и принятия Борисом крещального имени Михаил — такого же, как и у молодого византийского императора.

Далее, ссылаясь на Дюфресне, Раич пишет, что Борис со временем стал очень набожным. После государственного совета, на который государь являлся облаченным в пурпурную мантию, ночью наступал черед церкви. Борис-Михаил сменял роскошное одеяние на грубое вретиче и проводил на полу храма в молитвах много часов. Он добровольно отрекся от престола в пользу своего старшего сына и принял монашеский чин. Но новый молодой правитель Болгарии предавался сладострастию и пьянству и намеревался возвратить «первоначальное заблуждение», т. е. язычество. Тогда Борис-Михаил снял с себя рясу, ополчился на старшего сына, сверг его с престола и приказал ослепить. И, созвав народ, он возвел на трон своего младшего сына Симеона, который получил образование в Константинополе и настолько хорошо знал греческий язык, что его называли полугреком. Вслед за этим Борис-Михаил вернулся в монастырь, где через год скончался (896)⁴⁰.

Другая, приводимая Раичем, легенда о крещении болгар, судя по ссылке, была позаимствована им у византийского историка Кедрина⁴¹. Она гласит, что болгарский князь Борис очень любил охоту и решил построить для себя небольшой охотничий дом. После окончания строительства он велел его расписать, и здесь промыслом Божиим появился монах Мефодий, изобразивший на фресках Второе пришествие Господне и Страшный суд. Князь был настолько впечатлен муками грешников в аду, что устрасился и принял крещение. А папские священнослужители, по словам Раича, используют эту

⁴⁰ Раич: Там же. С. 244; Орбини: С. 293; Дюфресне: Глава VII. § 19. С. 95; На самом деле Борис Михаил умер в 907 г. (См.: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб.: Алетейя, 2000.)

⁴¹ Раич пишет об этом в другом месте свой «Истории»: Раич: Кн. I. Глава XXII. С. 197.

легенду, утверждая, что раз болгары приняли крещение от Кирилла и Мефодия, а те получили разрешение на миссионерскую деятельность в Риме, то Болгарию должна окормлять папская церковь.

Продолжая повествование о болгарском правителе Симеоне, Раич сообщает, что Симеон был отправлен в Константинополь в детском возрасте, где овладел греческим языком как родным, прекрасно освоил книжную науку и, вернувшись домой, сделался монахом. Но потом Симеон отставил монашескую жизнь и сменил рясу на властительскую багряницу. Согласно сведениям Кедрина, на третий год своего правления Симеон начал войну с византийским императором Львом Философом (*VI, 886–912*), преследуя защиту торговых интересов болгар. Дело в том, что надзиравший за византийской торговлей евнух Зауца, по имени Мусик, обложил болгарских купцов грабительскими налогами. Симеон пожаловался на это императору, но тот, движимый любовью к Зауцу, воспринял всё как дипломатическую игру, и тогда болгары решили прибегнуть к силе оружия: Симеон заключил мир с сербскими князьями и двинулся на Византию. Битва произошла в Македонии, византийцы были разгромлены и оба византийских полководца, Прокопий Кринита и Куртиций Армянин, попали в плен. По словам Льва Грамматика, Симеон приказал отрезать носы обоим и отпустить их в столицу. Вместе с ними были обесчещены и попавшие болгарам в плен союзные императору хазары. Произошло это, как свидетельствует Лев Грамматик, в 888 г.⁴²

Византийский император был взбешен, сильно были возмущены и столичные жители. Но для начала новой войны с Симеон у Льва Философа не было тогда достаточно войска. Поэтому он пригласил в союзники придунайских венгров, называемых аварами (*Sic!*), которые нарушили дружбу с болгарам. С богатыми дарами к венграм был послан переговорщик Склер (*Никита Патрикий Склир*), договорившийся о нанесении ими удара болгарам в спину, когда те начнут сражаться с византийцами. Однако Лев Философ не исключал возможность заключения мира и с варварами болгарам. Но те заключили византийского дипломата Константинакия под стражу. И тогда Византия послала против болгар войско, двигавшееся на север по суше и по морю. Византийцами командовали патрикий

⁴² Раич: Книга II, § 5. С. 246. — Раич сообщает, что эта война была описана у Орбини, Дуфресне и Прая, но отдаёт предпочтение сведениям Кедрина. — *И. К.*

Никифор Фока и друнгарий (*флотоводец*) Евстафий. Когда войска Симеона устремились на юг, готовясь сразиться с византийцами, венгры под предводительством своих вождей Арпада и Кузана переправились через Дунай и опустошили всю Болгарию. Симеон был вынужден вернуться назад, чтобы отбить нападение венгров, но в состоявшейся битве болгары были разбиты. Симеону удалось укрыться за стенами крепости Дристыр (*Доростол*). Эти события произошли 890 лета Господня⁴³.

Венгры после своей победы покинули Болгарию с богатой добычей, а болгары начали переговоры о мире с упомянутым выше друнгарием Евстафием. Одновременно они обратились за советом к ставшему монахом Борису-Михаилу. Тот объявил трехдневный пост по погибшим и посоветовал обратиться за помощью к Богу. Это означало, что болгары должны готовиться к новой войне. Симеон сумел договориться с византийским императором о перемирии. Для заключения мирного договора к болгарам был послан переговорщик Лев Хирсфакт, а полки Никифора Фоки возвратились в византийские пределы. Этим не преминул воспользоваться Симеон — он отправил в темницу Льва Хирсфакта, а сам двинулся против венгров, которым Византия в то время не могла оказать своевременную помощь. У венгров отсутствовали необходимые для войны запасы, они не ожидали нападения и поэтому потерпели страшное поражение. Их страна была опустошена и разграблена болгарами. После этого Симеон начал новые переговоры о мире с Константинополем, поставив необходимым условием обмен пленными болгар на византийцев, включая Льва Хирсфакта. Византия согласилась отпустить пленными болгар, а пленными византийцев доставил к границе Теодор, родич Симеона⁴⁴.

После смерти императора Льва Философа в 911 г. престол полагался его сыну отроку Константину, но тот был слишком мал и поэтому управлял империей вместе со своим дядей Александром, братом Льва. Симеон отправил в Константинополь посланника с просьбой подтвердить мир, на что Александр ответил вспышкой гнева и угрозами. Симеон начал готовиться к войне с Александром, но тот внезапно умер. По словам Зонары, император напился, стал

⁴³ Раич: Там же. § 6. С. 247.

⁴⁴ Раич: Кн. II. Глава VII. § 7. С. 247–248; Кедрин: Т. II. С. 467–468; Зонара: Т. II. Кн. XVI. С. 139; Лев Грамматик: С. 379; Прай: Ч. III. Кн. I. С. 325, 329.

играть лопатой, и внутри у него лопнула какая-то жила, кровь потекла из ноздрей и из заднего прохода, и Александр испустил дух. На престол взошел семилетний Константин, которому начал помогать управлять империей его наставник, патриарх Николай. Но многие другие наставники отрока были этим недовольны, и между ними царило несогласие. В такой благоприятной для себя ситуации Симеон в 912 г. вторгся во Фракию, завладел богатой добычей и дошел до самых стен Константинополя, расположившись со своим войском от Влахерн до Золотых ворот. Но взять штурмом город ему не удалось — его стойко обороняли не только воины, но и простые горожане. Поэтому Симеон решил начать переговоры о мире⁴⁵.

Симеон удалился в Эпдом и послал вести предварительные переговоры о мире своего магистра Феодора, который договорился о встрече на уровне глав государств. Встреча произошла в дворцовых палатах во Влахернах на пиру императора. В качестве гарантии личной безопасности Симеона болгарам были отправлены византийские заложники. На пиру присутствовали малолетний император Константин, его наставники во главе с патриархом и другие представители византийской власти. Симеон преклонил колени перед патриархом и получил от него благословение. А затем, при произнесении Симеоном клятвы в подтверждение договора, патриарх возложил ему на голову свой епирхиптарион (головное покрывало. — *И. К.*). По заключения мира Симеон с войском возвратился в Болгарию⁴⁶.

Но спокойствие не продолжалось долго — вскоре болгарский властитель вновь начал войну и против него были посланы византийские войска под началом военачальников Льва и Фоки. 6 августа между двумя сторонами произошло сражение у города Ахелой, болгары были смяты и показали спины. Но тут произошло чудо: domestik Школ сошел с коня у источника, чтобы смыть пот с лица и охладиться, а его почувствовавший свободу конь пустился вскачь прочь. Византийцы при виде коня своего военачальника без ездока растерялись, а находившийся на вершине холма Симеон верно оценил обстановку и вдохновил своих воинов снова сразиться с врагом. Теперь уже византийцы оборотились в бегство: одни из них были задавлены в толкотне своими же, другие были сражены вражеским

⁴⁵ Раич: Там же. С. 389–390; Кедрин: Т. II. С. 479; Лев Грамматик: С. 388; Зонара: Т. II. Кн. XVI. С. 143; Орбини: С. 304; Дюфресне: Гл. VII. § 22. С. 97.

⁴⁶ Раич: Кн. II. Глава VII. § 9. С. 249–250.

оружием, а византийский Великий domestik Лев спасся, укрывшись в Несебуре. Возгордившись победой, Симеон продолжил наступление и устремился к Константинополю, но его передовой отряд занялся грабежом и был разбит уцелевшими византийцами, вновь собранными Львом и Фокой. Столкновение произошло у Катазирты и завершилось для болгар неудачно: они вынуждены были вернуться домой. Так пишет хронист Зонара в своей Хронике, а Лев Грамматик приводит несколько иную версию. Он говорит, что болгары напали на византийцев ночью и перебили их. При этом Великий domestik сбежал, сын Дуки Николай и многие другие погибли, а Симеон с триумфом вернулся в свою страну⁴⁷.

Во время одной из войн Симеон осадил Адрианополь, окружив его валами и окопами, Комендантом города был патрикий Лев, которого прозвали Моролеоном, т. е. Юродивым. Он нападал на неприятеля с полным безрассудством: то яростно сбрасывал со стен карабкающихся на них болгар, то приказывал открыть ворота и устраивал отчаянные вылазки, нанося осаждающим большие потери. Но горожане были измучены голодом, не имея возможности получить пищу извне. Это принудило их открыть ворота, сдать город и выдать болгарам своего военачальника. Симеон, припомнив все пакости, которые учинил болгарам патрикий Лев, приказал его долго мучить и предать затем жестокой смерти. Он оставил в Адрианополе болгарский гарнизон, но тот сбежал при приближении византийских войск⁴⁸.

А в другом месте «Истории» Раича рассказывается об осаде Константинополя Симеоном в сентябре 928 г.⁴⁹ О ней наиболее подробные сведения содержатся у Кедрина. По словам историка, опустошив Фракию и Македонию, Симеон пожелал разбить свой военный лагерь рядом с Влахернами и потребовал, чтобы к нему явились на переговоры патриарх Николай и византийские вельможи. После предварительного обмена заложниками патриарх вместе с Михаилом Стипеиотом и Иоанном Мистиком пришли в ставку Симеона, но он изъявил желание разговаривать непосредственно с византийским императором Романом. Тот был польщен предложением Симеона и распорядился оборудовать место для будущей встречи на пристани

⁴⁷ Раич: Там же; Зонара: Кн. XVI. С. 145–146; Лев Грамматик: С. 380–390.

⁴⁸ Лев Грамматик. С. 395; Раич: Кн. II. Глава VII. § 12. С. 252–253.

⁴⁹ Дата ошибочна: на самом деле Симеон умер годом раньше. — *И. К.*

Космидион, расположенной в верхней части Золотого Рога. Это место было укреплено со всех сторон, а для переговоров был возведен высокий подиум. Симеон же в это время, желая показать жесткость своей позиции, приказал разорить храм Пресвятой Богородицы, построенный некогда у источника императором Юстинианом, и огрбить окрестности.

Роман с патриархом взяли во Влахернском храме покров Пресвятой Богородицы себе в помощь и вместе со свитой, облаченной по наказу императора в праздничные одеяния, первыми явились на переговоры. Прибыл и Симеон в сопровождении богато разодетых болгар, вооруженных золотыми, серебряными и железными мечами и копьями, в соответствии со своим рангом. Приближенные приветствовали находившегося среди них Симеона латинским словом «Rex», т. е. «Король». Прежде чем приблизиться к месту переговоров, его, как и было обговорено между двумя сторонами, тщательно осмотрели во избежание какой-либо ловушки. Симеону предложили слезть с коня и приблизиться к императору, что тот и сделал. Оба властителя поприветствовали друг друга, и переговоры начались. Был день 9 ноября 928 г. По словам Кедрина, Роман успешно справился с задачей увещевания Симеона, он сумел укротить его воинственный пыл и убедить его, как христианина, не поднимать оружие против христиан и не проливать кровь единомысленных. При этом Кедрин привел длинную увещательную речь Романа, который сумел пристыдить Симеона и покорить его своей кротостью⁵⁰.

Но воинственный дух болгарского правителя не мог успокоиться: примирившись с византийцами, он оборотил свое оружие против их союзников хорватов и сербов. Однако всё его войско, на которое хорваты напали в горных теснинах, было разгромлено. По сообщению Кедрина, Симеон возвратился в Болгарию и вскоре умер от сердечного приступа. А Орбини по этому поводу пишет, что смерть Симеона последовала от болезни желудка и случилось это 27 мая 932 г. Дюфресне добавлял, что болгарский правитель был женат дважды и имел от первого брака сына Михаила, постриженного в монахи, а от второго — трех сыновей: Петра, унаследовавшего отцовский престол, Иоанна и Михаила. Существовала легенда и о четвертом сыне

⁵⁰ Раич: Кн. II. Глава. VII. § 13. С. 253–254; Орбини: С. 308; Дюфресне: Глава VII. § 22. С. 97; Кедрин. Т. II. С. 488–489.

Симеона по имени Боян. Рассказывали, что он стал таким искусным чародеем, что мог оборачиваться волком или каким-либо иным зверем. Раич также передает сказание Мавро Орбини о причинах смерти Симеона. Кончину болгарского царя людская молва увязала с участью «болвана» (т.е. статуи) на вратах Ксерофила. О статуе императору сообщил некий человек, твердивший, что голова скульптуры превратилась в голову Симеона и что, если ее отсечь, то болгарский правитель быстро умрет. Император поверил этому сообщению: голову отрубили — и Симеон сразу же умер. Но Раич со скепсисом отнесся к этим двум легендам, назвав их «баснями» и плодом суеверий⁵¹.

После смерти Симеона — правителя, которого все его соседи боялись за отвагу и воинственный нрав — равновесие нарушилось. Болгарии начали угрожать венгры, сербы и хорваты, собиравшиеся объединить свои силы. Положение в стране было тяжелое: среди болгар начался голод из-за опустошившей поля саранчи. На престоле сидел наследник Симеона молодой царь Петр, которому ужасно завидовали братья, начавшие вместе с некоторыми знатными боярами плести против него сети заговоров. Особенно большую активность проявлял его брат Иоанн. Но заговор был раскрыт, Иоанн был брошен в темницу, приговорен к битью и пострижен в монахи. А заговорщики рангом пониже были казнены. Однако император Роман Лакапин сумел организовать бегство Иоанна в Константинополь, дал ему богатство и жену армянку. А другой брат Петра, по имени Михаил, построил сильно укрепленную крепость и стал собирать в нее своих сторонников, но вскоре умер. Опасаясь гнева Петра, сторонники Михаила отправились в поход в Македонию, на Струму, остановились в Никополе, но затем были разбиты византийцами.

Чтобы предотвратить замыслы соседей с севера, Петр решил вначале выступить против византийцев. Но когда навстречу ему двинулось сильное войско императора Романа, он счел более благоразумным договориться о мире и укрепить династические связи с Византией через брак. Предложение и о том, и о другом было передано через посланного царским наставником Георгием Сурсувулом монаха-армянина по имени Георгий Калокир. Император бла-

⁵¹ Раич: Кн. II. Глава VII. § 14. С. 255–256; Кедрин: Т. II. С. 490; Орбини: С. 307; Зонара: Т. II. Кн. XVI. С. 149; Дюфресне: Глава VII. § 22. С. 98.

госклонно отнесся к предложению болгар и послал на переговоры в Несебыр монаха Феодора Абукада и придворного клирика Константина Родисского. Затем в Константинополь прибыли на смотрины болгарские вельможи во главе с Георгием Сурсувулом. На встрече с императором им приглянулась его внучка Мария, дочь кесаря Христофора. Они сразу же отправили послание царю Петру, сообщая ему о красоте девушки и приглашая его незамедлительно выехать в Константинополь. Болгарский правитель прибыл во Влахерны, и туда же на корабле доставили императора Романа, оказавшему своему гостю большие почести. Государи договорились о мире и браке, доверив это дело протовестиарию Феофану. 8 октября 932 г. в церкви Пресвятой Богородицы у источника (называемой Пеганской) в присутствии патриарха и сената состоялась церемония бракосочетания между царем Петром и Марией. По этому случаю император устроил роскошный пир с множеством приглашенных⁵².

Но время шло, супруга болгарского царя Петра умерла, а в Византии на престол взошел новый император Никифор Фока (963–969). Желая подтвердить мир с новым византийским правителем, Петр отправил в Константинополь в качестве заложников своих сыновей Бориса и Романа. После кончины отца они заняли его трон, но вскоре мир между двумя странами был нарушен. Никифор Фока решил наказать болгар за их поведение, поскольку те не препятствовали венграм переправляться через Дунай и свободно проходить через болгарские земли для грабежа византийских пределов. Император побудил русского князя Святослава объявить болгарам войну, что тот и сделал. 5 августа 968 г. войска русского князя вторглись в Болгарию, завоевали и ограбили много городов и крепостей и возвратились домой с богатой добычей. Через год Святослав снова появился в болгарских землях. Помимо него, против болгар по приказу императора Иоанна Цимисхия (969–976) воевали и византийцы, захватившие болгарскую столицу Преслав, занятую в то время руссами. Болгарские правители Борис и Роман были взяты в плен и доставлены в Константинополь. Борис был лишен царских регалий: при стечении народа он был вынужден расстаться с красными сапогами и короной, которую поместили на видном месте в Великой

⁵² Раич: Кн. II. Глава VIII. § I. С. 256–257; Кедрин: Т. II. С. 490–491; Лев Грамматик: С. 498; Дюфресне: Глава VII. § 23. С. 98; Лев Грамматик: С. 398, 400 В.

церкви св. Софии. После смерти императора братья сумели бежать домой, но Борис по пути был убит каким-то болгаринном, принявшим его за богатого византийца, а Романа болгары не приняли, поскольку византийцы в Константинополе его оскостили⁵³.

В отсутствие Бориса и Романа страной правили четыре брата Давид, Моисей, Аарон и Самуил, происходившие от некоего болгарского Комиты (*мелкопоместного землевладельца*), поэтому их называли «комитупулами». Они успешно воевали с Византией, но Давид быстро умер, Моисей был убит при осаде Серреса, а Аарон принял смерть от своего брата Самуила. Взяв власть в свои руки, последний сделал своей столицей Лихниду, переименовав ее в Охрид. По свидетельству византийских историков, Самуил был храбрым и воинственным военачальником: он опустошил Фракию и Македонию, Солунские пределы и Фессалию и дошел до Пелопонесса. Но однажды Самуил чуть не погиб. Как-то после одного из победоносных походов болгарского царя император послал ему вдогонку войско под командованием Никифора Врана. Подкараулив, когда болгары на привале ночью уснули, византийцы скрытно переправились через реку Сперхию и устроили настоящую резню, не потеряв при этом ни одного своего солдата. Самуил и его сын Роман были тяжело ранены, но сумели укрыться под мертвыми телами и затем бежать. А по возвращении Самуила ждала новая беда: его дочь влюбилась в пленного византийского военачальника Ашота Таронита. Она угрожала покончить с собой, если отец не позволит ей заключить брак с возлюбленным⁵⁴.

Самуил был вынужден дать согласие на брак своей дочери с Ашотом Таронитом и отправил зятя править Диррахиумом (*Дурресом*) и его окрестностями. А тот уговорил свою жену отплыть с ним на корабле в Константинополь и вернул вскоре дарованные ему Самуилом владения под власть императора. А сам отправился воевать против Болгарии через Филиппополь (*Пловдив*) и стал чинить своему тестю различные пакости. Постепенно благополучие Болгарии все более умалялось. Император Василий (II, 958–1025) в 1013 г. (1014), побив

⁵³ Раич: Кн. II. Глава VIII. § 5, 6. С. 258–259, 261–262; Кедрин: Т. II. С. 517, 526–534, 543; Зонара: Кн. XVI. С. 167–168., Кн. XVII. С. 172; Дуфресне: Глава VII. § 24. С. 99–100; Лев Грамматик: С. 498; Орбини: С. 307–309.

⁵⁴ Раич: Кн. II. Гл. VIII. § 8. С. 264; Кедрин: Т. II. 549–550; Зонара: Кн. XVII. С. 176; Дуфресне: Гл. VII. § 25. С. 100.

множество болгар и взяв 15 000 в плен, приказал выколоть им глаза, оставить по одному одноглазому на каждые 100 слепцов и отправить их Самуилу. При виде этой жуткой, бесконечной вереницы калек болгарский правитель получил сердечный удар и умер. Кедрин, по словам Раича, конкретизировал эту трагедию дополнительными деталями. Византийский историк писал, что этот император отправлял войска воевать в Болгарию каждый год. Не осмеливаясь с ним сразиться, Самуил возвел укрепления на большом протяжении от Цимбе и Клейде в виде глубоких рвов и крепких частоколов. За ними болгары чувствовали себя в безопасности и неоднократно успешно отражали византийские атаки.

Византийцам помог филиппопольский комендант Никифор Ксифия, поделившийся с императором своим планом. В соответствии с ним, Никифор должен будет сковывать и отвлекать силы болгар за их защитными укреплениями, а другие отряды византийцев в это время преодолению находящуюся в отдалении гору Вилависту (*Беласицу*) и ударят по противнику с тыла. Так все и произошло. 20 июня 1014 г. многие болгары были убиты, а большинство из них попали к византийцам в плен. Сам Самуил едва спасся на коне, подвешенном ему его сыном. А чуть позже император Василий отправил ему страшный сюрприз из нескончаемой вереницы ослепленных болгарских воинов. При их виде Самуил потерял сознание и упал наземь. Его привели в себя, сбрызнув водой и снадобьями, и он попросил дать ему холодной воды. Выпив её, Самуил получил сердечный удар и через два дня умер⁵⁵.

Через 4 года Болгария окончательно попала под византийское владычество, которое продолжалось более 170 лет. Болгары неоднократно пытались возобновить собственную государственность, поднимая восстания при каждом удобном случае. Раич упоминает о них вкратце, но иногда и достаточно подробно: например в случае с Петром Деляном, который в 1039 г. предпринял попытку сбросить византийское ярмо, выдавая себя за внука царя Самуила. Но оно, как и многие последующие восстания, завершилось неуспешно. Исторический шанс для болгар появился только в конце XII в., когда Византия была ослаблена от войн и последствий очередного Крестового похода — крестоносцы двигались в Святую Землю через ви-

⁵⁵ Раич: Кн. II. Гл. VIII. § 11. С. 266–267; Кедрин: Т. II. С. 553 С и Е; Зонара: Кн. XVII. С. 177; Орбини: С. 311–312.

зантийскую территорию и, считая православных греков и болгар богоотступниками и еретиками, грабили и разоряли их. Причиной своего отделения от Византии болгары называли массовую реквизицию у них волов, овец и свиней, предназначенных для пира по случаю брака императора с венгерской принцессой, и безжалостность византийских чиновников.

Недовольных болгар возглавили болгарские братья Петр и Асен, являвшиеся потомками болгарских царей. Когда-то в Ипсале (*на Мраморном море*) они обратились к византийскому императору Исааку Ангелу (1185–1195, 1203–1204) с просьбой принять их на военную службу и выделить им на кормление небольшую область у горы Хемус (*Балкана*). Но им отказали, и, вернувшись на родину, они встали во главе движения против византийцев. Вскоре главный зачинщик отделения болгар Асен вместе со своими сторонниками вооруженным путем завладел значительными территориями у Больших и Малых Балкан. Чтобы привлечь на свою сторону как можно больше болгар, братья Петр и Асен воздвигли на свои средства храм св. великомученика Димитрия Солунского и при помощи подкупленных юродивых начали распространять легенду о том, что Бог заповедал болгарам отринуть иго византийцев и стать свободными. И свидетельством этому, как твердили юродивые, является тот факт, что св. Димитрий покинул родные Салоники и переместился к болгарам на помощь, сделавшись их защитником. Поддавшись на эту уловку, болгары провозгласили Петра царем, даровав ему багряные сапоги и возложив на голову царский венец. А Асен был провозглашен соправителем своего брата⁵⁶.

Византийцы много раз пытались восстановить свою власть в Болгарии, но болгары каждый раз их прогоняли, приращивая при этом к своему царству новые земли: Никополь, Верею и прилежащие к ним равнины. Более подробно об этом, по свидетельству Раича, пишут Мавро Орбини, Никита Хониат и Акрополит. Они сообщают, что после того, как болгары при помощи аваров, завладели многими землями, против них в крайнем раздражении двинулся император Исаак Ангел. Вместе с большим войском он достиг Несебыра и преодолел Балканы, а навстречу ему устремился болгарский царь Асен.

⁵⁶ Раич: Кн. II. Гл. IX. § 2. С. 281–283; Акрополит: Кн. II. С. 393; Дюфресне: Гл. VIII. С. 106; Орбини: С. 317.

Он приблизился к осажденному византийцами Трибануму и сумел одолеть противника при помощи военной хитрости. Асен послал к императору мнимого перебежчика-болгарина, который известил его о скифах, идущих болгарам на помощь. Император счел благоразумным снять осаду, и затем его обманули во второй раз, потому что он поверил, будто его проведут назад по кратчайшей дороге. Вместо этого болгары неожиданно напали на византийцев в горных теснинах и почти полностью их истребили. Добычей победителей стали не только оружие и обмундирование солдат, но и его собственное императорское. Столь же позорно оканчивались и другие попытки византийцев привести болгар к покорности.

Наряду с перечислением неудачных войн Византии против Болгарии сербский историограф упоминает, что болгары сумели завладеть Варной, разорить Анхиал, Софию и Ниццу (*Ниш*) и опустошить филиппопольские и верейские пределы. Неподдельный интерес у Раича вызвала легенда об обстоятельствах смерти царя Асена в период правления византийского императора Алексея Ангела (1195–1203). Тогда в плен к Асену попал один византийский священник, который обратился к болгарскому царю с мольбой отпустить его домой. Но за свою дерзость он заплатил головой: Асен приказал его казнить. И отчаявшийся священник проклял болгарского правителя и предсказал ему скорую смерть. И вскоре это предсказание сбылось. В окружении Асена был один боярин по имени Иванко, являвшийся, как пишут некоторые историки, царевым дядей по линии отца. Он вступил с сестрой Асена в непристойную любовную связь, чем страшно его разгневал. Царь приказал ночью вызвать Иванко к себе, чтобы наказать его смертью, и распорядился принести меч. Но осужденный оказался более проворным: он быстро извлек скрытый у него под плащом свой меч, которым заколол царя. Вслед за этим Иванко вместе со своими сторонниками захватил власть в Тырновской крепости. Произошло это, свидетельству Дуффресе, в лето Господне 1189⁵⁷.

После смерти Асена на престол взошел его брат Петр, XXII болгарский правитель. Он сумел отомстить Иванко и изгнать его из Болгарии: тот нашел убежище в Константинополе. Но Петр царствовал недолго — его убил кто-то из его же окружения. И вместо Петра на

⁵⁷ Раич: Кн. Гл. § 4. С. 283–284; Акрополит: Кн. II. С. 394; Дуффресе: Гл. VIII. § 1. С. 106; Орбини: С. 320.

царском троне воссел его брат Кало-Иоанн (*Калоян, 1197–1207*)⁵⁸. Оба эти брата являлись соправителями еще до смерти Петра. Долгое время Калоян находился в Константинополе в заложниках, но сумел совершить побег и возвратиться в Болгарию. В самом начале своего царствования он решил опереться на поддержку Рима, заключить с ним церковную унию и просить у папы Иннокентия III (1198–1216) корону, как подтверждение своего царского достоинства. В 1197 г. он отправил своих посланцев в Рим с просьбой об этом и о поставлении архиепископа Василия в патриархи Великой церкви в Тырново — «первенствующем граде в целой Болгарии». И Римский папа Иннокентий откликнулся на просьбу Калояна, тем более что тот упоминал о готовности и византийского императора самому подтвердить царский титул болгарского правителя и дать согласие на поставление в Болгарии патриарха. Из Рима к Калояну послали капеллана папского престола Иоанна с мантией для тырновского архиепископа, который возводился в сан примаса всей Болгарии, что давало ему право в будущем короновать папской короной болгарских правителей. Позже папа направил в Болгарию кардинала Льва, который 15 сентября 1204 г. привез в Тырново царский скипетр, венец и хоругвь с изображением креста и ключей от Церкви. 7 ноября того же года он поставил Тырновского архиепископа патриархом Болгарии, а через два дня — венчал Калояна в качестве императора Болгарии и Валахии. Папа наделил новоявленного императора правом чеканить свои монеты⁵⁹.

Раич также сообщал, что всему этому предшествовало много важных событий. Во-первых, Иванко не сразу расстался с мечтой завладеть болгарским царским венцом. Вместе со своим братом Димитром он вторгся в пределы Болгарии и призвал на помощь руссов. Но Калоян справился и с одними, и с другими: войско братьев разбил, а руссов изгнал из своей страны. Однако, эта и другие войны Калояна, как пишет Раич, не были столь славными, какой была его битва с крестоносцами. Последние в 1195 г. овладели многими византийскими землями, а во время переговоров Калояна с папой, предводитель западных рыцарей Балдуин Фландрский взял Константинополь (1204) и провозгласил себя императором Латинской

⁵⁸ Раич отмечает, что папа именовал Калояна Иоанником, а ряд правителей — Иоанничей.

⁵⁹ Раич: Кн. II. Гл. IX. § 5. С. 264–286; Дюфресне: Т. III. Гл. VIII. § 3. С. 106–107.

империи. Желая освободить свою столицу от «латинян», византийцы обратились за помощью к Калояну, и тот вместе с валахами освободил города Серрес, Верею и Филиппополь, дойдя в Македонии до Салоник и очистив многие земли во Фракии. Намереваясь подавить непокорных, Балдуин Фландрский явился с войском под Адрианополь, где сосредоточились византийцы. Не зная, что близ города уже находился Калоян, «латиняне» действовали без предосторожностей, за что и поплатились: болгары разгромили их наголову, в плен попал и сам император Балдуин Фландрский.

Византийский хронист Никифор Григора, которого Раич ошибочно считает очевидцем событий, добавляет, что завладев Константинополем, Балдуин Фландрский разделил завоеванные территории на три провинции. Ими, помимо него самого, управляли граф Людовик в Плее и Бонифаций, маркграф Монферратский, царствовавший в Салониках его окрестностях. По словам хрониста, власть Балдуина Фландрского распространялась по византийским пределам с быстротой пожара. Он вторгся на Пелопоннес, откуда намеревался двинуться в принадлежащие Византии восточные страны. Возможно, он и сумел бы подчинить себе остатки владений византийцев, не вспыхни восстание болгар в его тылу и не прояви такую большую военную активность брат Асена царь Калоян. Он вместе со скифами, обитавшими к северу от Истра (Дуная), занял многие греческие села и поселения, чем заставил латинян прервать поход на восток и повернуть все свои силы назад. Битва между двумя войсками произошла на равнине близ Адрианополя. Обе стороны бились храбро и ожесточенно, и чаша весов победы колебалась. Исход сражения решила военная хитрость: болгары притворно отступили, и, когда латиняне слишком увлеклись их преследованием, сбоку из засады по ним ударили скифы. И болгары, прекратив отступление, оборотившись, ударили по противнику с прежним ожесточением. Земля обгадилась кровью множества латинян, в страшной сече погиб граф Людовик, венецианский дук Генри Дандоло спасся с немногими, но затем умер от ран⁶⁰, а император Балдуин Фландрский попал к болгарам в плен⁶¹.

⁶⁰ Венецианский дож Энрико Дандоло предоставил крестоносцам в аренду 480 кораблей и сам стал участником Крестового похода; после смерти от ран он был погребен в константинопольском храме св. Софии. См.: *Норвич Дж.* История Византии. М., 1993. С. 434.

⁶¹ Раич: Кн. II. Гл. IX. § 6. С. 286–288; Никифор Григора: Кн. I. С. 9, 11; Акрополит: Кн. II. С. 395; Орбини: С. 324.

Не обошел вниманием Раич и обстоятельства смерти Калояна, погибшего во время осады Салоник. Согласно легенде, ночью в шатер к нему явился воин в латах и пронзил ему ребра копьем. Это был святой великомученик Димитрий Солунский — покровитель осажденного болгарами города. Раич сравнивает Калояна с византийским императором Василием II: последнего за победу над болгарами прозвали Болгарохтоном, т. е. Болгаробойцей, а Калояна тогда за его славные победы над крестоносцами и византийцами следовало бы назвать Ромеехтоном. По свидетельству Раича, византийцы ненавидели Калояна и называли его Скифо-Иоанном за подражание скифам в жестокости и обильное пролитие ромейской крови. Калоян безжалостно поступил с пленным Балдуином Фландрским. После побега из Тырновской крепости одного знатных пленников-латинян, Калоян приказал казнить императора лютой смертью. Балдуину отсекали руки и ноги и бросили этот окровавленный человеческий обрубок в пропасть, где того стали клевать птицы. Балдуин умер в муках только через два дня. Калоян смеялся и над римлянами, и над византийцами: он добыл себе царский венец, а для тырновского архиепископа — патриаршее достоинство. И после всего этого он нещадно бил и одних, и других своих благодетелей⁶².

Утрату же независимости болгар и попадание их под иго турок Раич считает следствием дробления Болгарского царства при правителе Иване Александре. Не желая обижать никого из трех своих сыновей, он решил выделить каждому из них в управление небольшие владения. При этом Видин и придунайские села достались Страцимиру (*Срацимиру*), Асен получил Преслав и земли во Фракии, а третьему сыну Ивану Шишману были даны Тырново, Славица, Вурац и София. По словам Раича, произошедший раздел стал причиной «окончательного запустения», как это случилось и с сербским королевством. Срацимир счел себя обиженным, поскольку, по его мнению, получил слишком мало земель по сравнению со своими братьями. Он отложился от отца и провозгласил себя королем. Александр оставил без наказания проступок своего любимого сына, но раздором воспользовался венгерский король Людовик, который завоевал земли Срацимира и пленил его самого. Он держал пленника в заточении 12 лет в одной из крепостей и затем возвратил ему царство после его присяги на верность.

⁶² Раич: Там же.; Акрополит: С. 396; Орбини: С. 324.

После смерти отца сыновья начали враждовать между собой, сражаясь непримиримо и яростно. Иван Шишман объединился против Срацимира со своим братом Асенем, но тот вскоре погиб в борьбе. И тогда в болгарских землях появился новый хитрый игрок — турецкий султан Мурад. Воспользовавшись болгарской междоусобицей, он вторгся в Болгарию, достиг Видина, был разбит, начал воевать в Валахии, но и здесь потерпел неудачу. Вражда между болгарскими братьями не утихла, и Иван Шишман решил обратиться за помощью к турецкому султану. И тот с радостью принял это предложение и, пройдя через земли византийцев, появился в болгарских пределах с 12 тысячами своих воинов. Но Мурад не спешил помогать Ивану Шишману, выжидая пока болгары истощат друг друга во взаимной борьбе. Когда же болгары обессилели, он поднял оружие против обоих братьев, овладел Галлиполи и устьем Пропонтийского моря (*Босфором*), затем Адрианополем, большей частью Румынии и Тырновским царством, лишив жизни Ивана Шишмана. Тот пытался предотвратить катастрофу, дав одну свою красавицу-дочь в жены султану, а другую — сыну византийского императора Андронику. Но это не помогло. Ссылаясь на противоречивые данные древних историков, Раич приводит две даты падения Болгарии под турецкое иго: 1374 г. — гибель царя Ивана Шишмана — и 1396 г. — битва под Никополем. При этом он приходит к правильному выводу, допуская, что покорение болгар турками происходило постепенно: с 70-х годов XIV в. до конца того же столетия.

Очень интересным, на наш взгляд, является завершение Книги «О народе болгарском», которое Раич обозначил как «параграф № 34». Здесь он пытался суммировать свои наблюдения над физическим обликом болгар, кратко упомянуть о процветании у них государства и остановиться на причинах его крушения. Раич отмечал, что болгарин обыкновенно «возрастом средствен» (т. е. среднего роста. — *И. К.*), телом крепок, что ум его «неизучен» (т. е. он малообразован. — *И. К.*), нравом прост, в вере постоянен, в богатстве скуден⁶³.

По его словам, ранее Болгария процветала, болгары жили вдоль и «в шуи» (т. е. слева. — *И. К.*) по обоим берегам Истра (*Дуная*), занимая часть Валахии и Бессарабии. С Востока их земли граничили с Понтом Эвксинским (*Черным морем*), северной границей служил

⁶³ Раич: Кн. II. Гл. IX. § 34. С. 316.

Дунай, с юга от Фракии их отделяла гора Им (*Балкан*), а с запада от Сербии — река Тимок. Но турки, по свидетельству Раича, сумели осуществить в Болгарии «великое ограбление», истощили «вся их имения», вследствие чего болгары «в крайнем убожестве жизнь свою проводят». Главные центры Болгарии, жившие в древности, по словам Раича, в цвету и славе, погибли, и от большинства из них остались «точию рудера», т. е. только развалины. В самом конце своего повествования о Болгарии и болгарях сербский историограф замечает, что он рассказывал главным образом о военной истории Болгарии и войнах ее с соседями. И сведения об этом он позаимствовал у византийцев. По его словам, это все, что те упоминали о Болгарии и болгарях, называя последних «грубыми» и «варварами». Стараясь принизить болгар, они умаливали их славные дела, изображали их тиранами, титуловали их знаменитых царей всего лишь князьями. Этих сведений Раичу явно не хватало — он писал о необходимости создания политической истории «болгарского Кралевства» и рассказа о временах этой страны мирных. По его мнению, следовало описать обряды болгар, охарактеризовать их занятия, проследить болгарскую церковную историю и то, как развивалась у болгар наука. Только тогда, по его убеждению, повествование приобретет должную полноту. Но, по наблюдению Раича, болгары с древности и по сей день не отделяли места для «учения и искусства». Поэтому «память о былых деяниях в забвение пришла»⁶⁴. И не упомяни византийские историки о том или ином болгарском царе, их имена вообще бы канули бы в Лету.

Раич считал, что лишённые науки болгары из-за скудности учения начали презирать общественную пользу. У них развилось самолюбие, каждый из них возжелал быть господином и начальствовать над другими. Всё это привело к несогласию, вспыхнули раздоры, повлекшие за собой военные столкновения и вызвавшие тотальное разорение страны. При этом Раич соглашался с точкой зрения Мавро Орбини, считавшего, что болгары слишком поздно для себя осознали одну важную истину. Согласно ей, «благодаря согласию и единомыслию и малые вещи возрастают, а при разногласии — даже большие ниспадают»⁶⁵. Именно поэтому болгары, по мнению Раича,

⁶⁴ Раич: Кн. II. § 33. С. 316.

⁶⁵ Там же.

и попали под турецкое ярмо, под которым продолжают стенать и поныне. На этой грустной констатации в его труде завершается повествование об истории болгар.

Свидетельством огромной заслуги Й. Раича в изучении истории южнославянских народов являются высочайшие награды, полученные им от императриц Марии Терезии и Екатерины II. Австрийская правительница пожаловала ему драгоценный архимандритский крест, а русская самодержица — большую золотую медаль. Последняя награда нуждается в более подробном описании. Она являлась первой в России наградой за гражданские заслуги и была учреждена в 1762 г. сразу же после восхождения Екатерины II на престол. Впервые ею были награждены 12 русских купцов-землепроходцев из Москвы, Вологды, Тобола, Тулы и других российских городов за труднейшее по своей сложности четырехлетнее плавание на судне «Св. Иулиан» от Камчатки к Алеутским островам (1758–1762) и приведение местного населения под русскую корону. Медаль весила 35 граммов (т. е. равнялась 10 червонцам) и имела 42 мм в диаметре. На её лицевой стороне помещался поясной портрет русской самодержицы в короне, мантии, с Андреевской лентой через правое плечо, ее волосы и шея украшены ниспадающими нитями жемчуга. По круговому периметру медали шла надпись: «Б.[ОЛЬШАЯ] М.[ЕДАЛЬ] ЕКАТЕРИНА II. ИМПЕРАТ.[РИЦА] И САМОДЕРЖ.[ИЦА] ВСЕРОСС.[ИЙСКАЯ]». Внизу расположена фамилия мастера-медальера: «Т. ИВАНОВЪ». В центре реверса медали помещена надпись «ЗА ПОЛЕЗНЫЕ ОБЩЕСТВУ ТРУДЫ. 1762. ГОДУ АВГУСТА. 31. ДНЯ»⁶⁶; по периметру реверса — цепь от ордена св. Андрея Первозванного и орнамент.

Этот тип медалей выпускался до самой смерти Екатерины II, случившейся в 1796 г. Возобновление чеканки произошло в 2003 г. при участии Совета Европы, причем считается, что тем самым медаль приобрела международный статус. Заметим в интересах истины, что таковой статус награда фактически получила после вручения ее замечательному сербскому историографу Й. Раичу.

Не исключен и вариант получения Й. Раичем более поздней разновидности этой медали, которую стали чеканить с 1793 г. Лицевая

⁶⁶ Данная дата означала время вступления купцов-первопроходцев на камчатский берег после завершения ими трудного плавания. При новых случаях награждения мастера чеканили новые соответствующие даты.

ее сторона практически была такая же, как и прежде, но надпись на реверсе — более лаконичная: «ЗА ПОЛЬЗУ». Дату завершения очередным кавалером медали славного («полезного» обществу) дела на ее реверсе обозначать прекратили. Эта медаль предназначалась для вручения её казакам, строившим поселения на южных рубежах Российской империи. Если ее и вручили Й. Раичу, то только потому, что форма для чеканки первоначального варианта медали не сохранились. В любом случае огромные масштабы заслуги сербского историографа в распространении знаний о славянах не подлежат сомнению. Так же, как и огромная роль России в этой области посредством переводов на русский язык трудов зарубежных ученых на эту тему. В период славянского Национального возрождения на Балканах подобные книги на русском языке с огромным интересом читались и широко распространялись.